

Бён-Чхоль Хан

АРОМАТ ВРЕМЕНИ

философское эссе
об искусстве созерцания

Smart (АСТ)

Хан Бён-Чхоль

**Аромат времени. Философское
эссе об искусстве созерцания**

«Издательство АСТ»

2009

УДК 1/14
ББК 87.3

Бён-Чхоль Х.

Аромат времени. Философское эссе об искусстве созерцания /
Х. Бён-Чхоль — «Издательство АСТ», 2009 — (Smart (АСТ))

ISBN 978-5-17-152645-0

В эссе «Аромат времени» Бён-Чхоль Хан размышляет на тему кризиса восприятия времени: о быстротечности каждого момента, о гиперактивности и отсутствии ритма. Каждый момент такой же, как и предыдущий, и нет ни динамики, ни направления, которые придают жизни смысл. По словам Бён-Чхоль Хана, «временной кризис будет преодолен только в тот момент, когда *vita activa* (жизнь деятельная) в полном кризисе снова примет *vita contemplativa* (жизнь созерцательная) в свое лоно». В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 1/14

ББК 87.3

ISBN 978-5-17-152645-0

© Бён-Чхоль Х., 2009

© Издательство АСТ, 2009

Содержание

«Совершенные часы» глубокой скуки	6
Предисловие	10
Без-время	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Бён-Чхоль Хан
Аромат времени. Философское
эссе об искусстве созерцания

© 2009 transcript Verlag, Bielefeld

© А. С. Салин, перевод, 2023

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

«Совершенные часы» глубокой скуки

«Аромат времени» – третья книга Бён-Чхоль Хана, которая выходит в рамках проекта «Лед». С одной стороны, ее название интригует и тем самым привлекает потенциального читателя. С другой – ее заголовок проигрывает по «кликбейтности» предшествующим двум книгам Хана, изданным в проекте, – «Агония эроса» и «Общество усталости». Вместе с тем ее содержание едва ли не важнее уже вышедших работ, включая и вышедшее на русском «Прозрачное общество». «Аромат времени» не только превосходит по объему упоминаемые тексты, но также и написан раньше их: на немецком книга впервые была опубликована в 2009 году. Тем самым ее можно рассматривать как своеобразный исток и даже остов последующей социальной философии Бён-Чхоль Хана. В ней чувствуется, что Хан глубоко продумывает то, что хочет сказать, чтобы более точно сформулировать то, что он еще захочет сказать. И конечно, скажет.

Разумеется, любого, кто увидит заглавие «Аромат времени», заинтересует то, что же имеется в виду. Как, каким образом может пахнуть время? И главное – чем оно пахнет? Я, естественно, дам ответ на этот вопрос, чтобы читатель смог понять, читать ли ему самого Хана, но прежде нам необходимо понять, в чем, собственно, состоит важность этого текста в корпусе работ философа. Дело в том, что, например, социологи давно обратили внимание на то, что жизнь – не только социальная, но и биологическая – ускорила. Как это сформулировала Джуди Вайсман, в условиях цифрового капитализма времени стало в обрез, и новые технологии (однако не только они) вместо того, чтобы предоставить человеку больше времени, в действительности его отнимают¹. Но настоящая проблема не в этом. Проблема в том, что меняются темпоральные режимы социальной, биологической жизни, а также – исторической. Тридцать лет назад, по мнению многочисленных социологов и философов, мы еще жили в эпоху постмодерна. Само понимание постмодерна оспаривалось, но существование самого исторического периода редко подвергалось сомнению. Сегодня мы живем сразу в нескольких эпохах – эпоху постправды, эпоху коронавируса, эпоху метамодерна и еще во множестве других эпох. Невозможность найти язык описания текущему историческому периоду своеобразным образом отражает проблему рассеивания личного времени субъекта. И хотя Хан не формулирует это так, фактически это и является тем, что он называет «дисхронией».

Хан полагает, что сегодня времени, как историческому, так и личному, не хватает такта, ритма, порядка. Отсюда берет исток современный темпоральный кризис. Социальные теории по-разному пытались найти решение этому кризису. Один из них – немецкий социолог Хартмут Роза, предложивший концепцию «социального ускорения». Роза считает, что социальная акселерация и социальная ригидность не противоречат друг другу. Ссылаясь на французского философа Поля Вирилио, он отмечает, что два этих темпоральных диагноза теперь синтезировались в единый постисторический диагноз. Согласно последнему, увеличение числа исторических событий на самом деле прикрывает и даже приводит к застою идей и глубинных социальных структур. Для Розы переплетение этих переживаний времени – отнюдь не научная конструкция, но состояние культурного самовыражения общества². В своих более поздних книгах Бён-Чхоль Хан более дерзок и не стесняется оспаривать мнения великих мыслителей. В данном, более раннем, тексте тоже. Но, в отличие от последующих работ, здесь Хан использует безличное «говорят», «утверждают», «считают», после чего следуют цитаты и ссылки на Хартмута Розу. На протяжении всей книги Хан утверждает, что нынешний темпоральный кризис не следует обсуждать в категориях ускорения. «Аромат времени» начинается буквально сле-

¹ Вайсман Д. Времени в обрез. Ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

² Rosa H. Social Acceleration. A New Theory of Modernity. New York: Columbia University Press, 2013. P. 15.

дующими словами: «Имя сегодняшнего временного кризиса – не ускорение. Эпоха ускорения уже прошла»³. Тем самым Хан не только вступает в полемику с известным социологом, но и вносит свой вклад в проблему решения темпорального кризиса – социологическому взгляду он противопоставляет социально-философский.

Ускорение процесса жизни не приводит ни к чему хорошему. Пробуя все новые возможности, бросая все на полпути, чтобы поскорее взяться за другое, человек лишь впадает в нервное беспокойство. В итоге он попадает в ситуацию безвременья – самое ужасное, что может произойти с субъектом, с точки зрения Хана. Безвременье (Un-Zeit) – неологизм Бён-Чхоль Хана, образованный от немецкого «Unzeit». Это слово обычно используется не само по себе, но в выражениях типа «zur Unzeit», что означает «в неподходящий момент», или как прилагательное «unzeitgemäß», что означает «анахронизм». В случае терминологии Хана дефис позволяет сделать ударение на префикс, означающий отрицание, которое превращает что-то положительное или нейтральное в нечто отрицательное. Хан использует неологизм в названии, но уже в самом тексте пишет слово без дефиса, то есть буквально как безвременье. При переводе и редактировании мы решили пойти путем англоязычного варианта перевода концепта, в котором, кстати, термин передали как «Non-time», оставив дефис и в основном тексте⁴. «Безвременье», о котором пишет Хан, относится не столько к неподходящему моменту или анахронизму, сколько к уникальной модальности самого времени. Такое написание помогает лучше следить за ходом рассуждений философа.

Бён-Чхоль Хан объясняет проблему безвременья посредством концепции «моментального времени» («Punkt-Zeit», в английском «point-time»). В мифическом времени, существовавшем до возникновения «истории», время было статичным. Когда миф уступил место истории, статичная картина мира сменилась бесконечной линией. Теперь настал черед истории уступить место. Взамен бесконечной линии человечество получило *информацию*. Если у истории было целеполагание, то у ее сменщицы отсутствует какая-либо длина, а если говорить точнее – нарратив. Информация не имеет центра и уж тем более направления. Так, за концом истории последовала атомизация времени. И тот темпоральный режим, который доступен сегодня как в плане эпохального анализа, так и в плане личного восприятия субъекта, – это «моментальное время», то есть время, рассеянное на никак не связанные моменты. На самом деле, хотя, оговоримся, эти идеи не совпадают полностью и имеют свою специфику, концепция Хана корреспондирует с тезисом Фредрика Джеймисона о «вечном настоящем». Джеймисон оплакивал утрату исторического мышления и отсутствие возможности вообразить будущее в ситуации высокого постмодерна. Следуя фразе Жана-Франсуа Лиотара, Джеймисон назвал психическое состояние субъекта постмодерна множественными «интенсивностями»⁵. Хан сам с удовольствием вспоминает Лиотара в «Аромате времени», хотя и в другом контексте. Но сейчас речь о другом. Используя термин «постмодерн» и возрождая в памяти идеи Джеймисона сорокалетней давности, в 2009 году Хан как бы подтверждал, что мы все еще живем в эпоху постмодерна – децентрированную в том числе темпорально, а не только психически.

По-настоящему серьезной проблемой является то, что уже само настоящее, в эпоху высокого постмодерна бывшее «вечным», сокращается. Настоящее не опустошает наличное время и не растворяет его, но скорее поглощает: теперь все (и всегда) одномоментно становится настоящим. Джеймисон волновался, что настоящее не могло быть преодолено. Спустя четыре десятилетия Хан увидел имплозию настоящего, вбирающую все внутрь себя и стремящуюся к моменту. Настоящее, утрачивая всякую длительность, превращается в точку. Так, исчезают

³ Наст. изд. С. 17.

⁴ Han Byung-Chul. The Scent of Time. A Philosophical Essay on the Art of Lingering. Cambridge: Polity Press, 2017. P. 16–17.

⁵ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. С. 107.

образующие смысл темпоральные этапы и границы. Впрочем, это диагноз Хана. Есть и рецепт, чтобы хотя бы попытаться избавиться от проблемы.

При разработке рецептуры Хан подробно разбирает темпоральные стратегии Марселя Пруста и Мартина Хайдеггера. И хотя последнему уделяется больше внимания, вероятно, особое значение в контексте книги «Аромат времени» имеет именно интуиция Пруста. Тезис прост: чтобы преодолеть нынешний темпоральный кризис, времени нужно вернуть его аромат. Но как возможно, чтобы время имело запах? Китайцы веками измеряли время с помощью ладана, придумав ладанные часы, использовавшиеся вплоть до XIX столетия. Возможно, именно китайцам принадлежит представление о том, что время может быть воспринято в форме аромата. Но если ладанные часы – теперь экзотический артефакт, то у Пруста можно обнаружить ответ на вопрос, как можно почувствовать аромат времени по-другому. Хан вспоминает место, когда один из героев Пруста, обожающий размокшую мадленку в ложке чая, поднося угощение к губам, наслаждается ароматом. Этот аромат приближает субъекта к (ме)длительности – к особому восприятию времени посредством запаха. Тем самым прустовская длительность позволяет *времени* источать аромат. Здесь, считает Хан, можно почувствовать ход жизни и даже историческое время. От этой иллюстрации Хан переходит к тезису Маршалла Маклюэна о том, что чувство обоняния может быть «органом» воспоминаний. Запахи могут содержать в себе истории. Иными словами, слыша какой-то запах, мы, например, можем вольно или невольно воскрешать воспоминания – не только картины, но и целые этапы жизни (например, чувство специфического запаха, существовавшего в общезитии, может напомнить человеку о целом жизненном периоде). Поэтому обоняние, рассуждает Хан, можно назвать «эпически-нарративным чувством»: оно сплетает темпоральные события в единый нарративный образ.

Но прислушиваться к запахам – не единственный совет Бён-Чхоль Хана о том, как можно было бы преодолеть нынешнюю дисхронию. Поскольку темпоральный кризис связан с *vita activa*, то есть с деятельной жизнью, нужно попытаться найти решение, как вплести в современный примат и диктат *vita activa* – *vita contemplativa*, созерцательную жизнь. Парадокс деятельной жизни в том, что проживаемая быстро жизнь определяется краткосрочными и кратковременными переживаниями, отражая общую проблему «моментального времени». Какой бы высокой ни была «интенсивность» переживаний, без длительности и медленности жизнь всегда окажется «*короткой* жизнью». Как в ситуации «интенсивностей» жизни вернуть созерцательный компонент? Ответ прост и лежит опять же в экзистенциальных переживаниях – необходимо освоить искусство «глубокой скуки». Вместе с тем простота самого ответа никак не влияет на то, что совет Хана так легко воплотить в жизнь.

Хан имеет в виду именно хайдеггеровскую «глубокую скуку», которая представляет собой остановку в повседневном ходе вещей. Такая скука, в отличие от других форм скуки, также разбираемых Хайдеггером, провоцирует субъекта на размышления. Но давайте подумаем, каким образом современный субъект в принципе способен испытать такую скуку. Хайдеггер, например, полагал, что она могла появиться, когда солнечным полуднем идешь по улицам большого города. Но, мне кажется, в контексте философии Хана это недостаточно радикальный пример. Хайдеггер подразумевал слишком спокойное время дня, когда вместо городской суеты можно было вдруг осознать, что человеку (глубоко) скучно. На самом деле мы можем найти более удачное описание радости, получаемой от глубокой скуки.

Карин Юханнисон в своей «Истории меланхолии» вспоминает хотя и расхожий, но очень важный сюжет из повседневной жизни европейских крестьян и ремесленников доиндустриальной эпохи, когда режим труда и отдыха был жестко привязан к световому дню. Юханнисон отмечает: то, что человек должен беспробудно спать всю ночь, – в действительности феномен культуры, а не природы. Дело в том, что в доиндустриальные времена режим сна крестьян состоял из двух этапов. Первый был связан с усталостью после работы и начинался с наступле-

нием темноты. Отдохнув, человек просыпался, какое-то время бодрствовал, после чего снова засыпал, вступая во второй этап сна. В период бодрствования между двумя этапами сна «мозг человека пребывал в состоянии умиротворенной активности (...) сам человек выполнял в это время различные размеренные и спокойные действия. Кто-то, проснувшись, выходил погулять, выкуривая трубку, перекидывался несколькими словами с соседом, опорожнял мочевой пузырь. Или просто лежал в кровати, молился, говорил с тем, кто был рядом, размышлял о прошедшем дне или приснившемся сне»⁶.

Эта некогда укоренившаяся в быту крестьян модель сна стала исчезать в XVII столетии, когда мещане и др. начали освещать свои дома с наступлением темноты. Теперь вместо сна можно было занимать вечера или даже придумывать какие-то занятия на ночь. Тем самым время отхода ко сну отодвинулось, и вместо двух этапов отдыха люди стали практиковать бесперебойный сон. При этом данный режим сохранялся в привычках отдельных людей. Спустя века, когда кому-то удавалось получить хотя бы разовый опыт такого двухэтапного сна, человек был невероятно счастлив. Юханнисон приводит в пример того, что эти практики были возможны спустя пару столетий, воспоминания Роберта Луиса Стивенсона. Однажды Стивенсон, «путешествуя по Севеннам, в южной части Франции, съел на ужин кусок хлеба с колбасой, немного шоколада, выпил коньяку и заснул. Но после полуночи проснулся. Зажег сигарету, выкурил ее не спеша, поразмышлял, потом заснул снова. Это тихое и покойное бодрствование запомнилось ему на всю жизнь. Никогда больше не переживал он столь “совершенных часов”»⁷. Этот пример не очень удачно соответствует представлению о скуке Мартина Хайдеггера, но очень хорошо иллюстрирует то, что пытается сформулировать Бён-Чхоль Хан. Этот отрывок предельно важен, так как признание Стивенсона ароматное буквально. Его «совершенные часы» пахнут хлебом, колбасой, шоколадом, коньяком, а еще табаком. В этой практике соединяются темпоральные стратегии Хайдеггера и Пруста.

В «совершенные часы» человек не жил для себя, ничем не занимался, но буквально созерцал, а лучше сказать – «пребывал в созерцании». «Созерцательное пребывание» – ключевой концепт для Хана. В «Аромате времени» он пишет про него так: «Созерцательное пребывание *дает* время. Оно *расширяет* бытие, которое есть нечто большее, чем деятельность (Tätig-Sein). Жизнь обретает время и простор, длительность и широту, когда она возвращает себе способность к созерцанию»⁸. Хан оплакивает то, что оно невозможно в «моментальном времени». Но что, если, имея в виду пример, описанный выше, эта практика все же возможна? Что, если именно в темной ночи, вместо того, чтобы развлекаться, работать или судорожно доделывать дела, которые не успел сделать до того, после недолгого сна человек попробует глубоко поскучать? Может быть, тогда он сможет постичь суть и все прелести созерцательного пребывания? А заодно с этим почувствовать все возможные ароматы времени. Попробуйте. Возможно, вы в самом деле проживете эти «совершенные часы», о которых не мог забыть до конца жизни Роберт Луис Стивенсон.

Александр Павлов, д. филос. н., профессор Национального исследовательского университета

*«Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник,
руководитель сектора социальной философии Института философии РАН*

⁶ Юханнисон К. История меланхолии. О страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь. М.: НЛО, 2011. С. 161.

⁷ Там же.

⁸ Наст. изд. С. 175.

Предисловие

Имя сегодняшнего временного кризиса – не ускорение. Эпоха ускорения уже прошла. То, что мы ныне воспринимаем как ускорение, есть лишь *один* из симптомов темпорального рассеяния. Сегодняшний временной кризис объясняется дисхронией, которая ведет к различным темпоральным искажениям и ошибкам восприятия. Времени не хватает упорядочивающего ритма. Поэтому оно выбивается из такта. От дисхронии время будто бы несется. Ощущение, будто жизнь ускоряется, на самом деле является переживанием времени, которое мчится без направления.

Дисхрония – это не результат форсированного ускорения. Дисхронию прежде всего вызывает атомизация времени. Ею объясняется и ощущение, будто время проходит гораздо стремительнее, чем раньше. По причине темпорального рассеяния невозможен опыт длительности. Ничто не *сдерживает* время. Жизнь более не встроена в формы порядка или координаты, которые учреждают длительность. Вещи, с которыми люди идентифицируют себя, также мимолетны и эфемерны. Так люди и сами оказываются радикально переходящими. Атомизации жизни сопутствует атомистическая идентичность. У каждого есть лишь он сам, его маленькое Я. Люди будто бы радикально лишаются пространства и времени, даже мира, со-бытия. Обделенность миром – это дисхроническое явление. Оно ведет к тому, что человек скукоживается до своего маленького тела, *здоровье* которого он пытается поддерживать всеми средствами. Больше ему вообще ничего не остается. Здоровье его хрупкого тела заменяет ему мир и Бога. Ничто не длится после смерти. Поэтому сегодня особенно тяжело умирать. И люди стареют, не *состариваясь*.

Данная книга представляет собой историческое и систематическое исследование причин и симптомов дисхронии. Но в ней будут обсуждаться и возможности исцеления. Хотя при этом также будут обнаружены гетерохронии и ухронии, данное исследование не ограничивается обнаружением и реабилитацией этих непривычных, выходящих за рамки повседневности мест длительности. Скорее с помощью исторического обзора оно в перспективе указывает на необходимость того, что для предотвращения этого временного кризиса время даже в рамках повседневности должно принять иную форму. Оно не оплакивает время повествования. Конец повествования, конец истории не должен приносить с собой темпоральную пустоту. Скорее он открывает возможность для времени жизни, которое обходится без телеологии и телеологии и, тем не менее, обладает своим собственным запахом. Оно предполагает ревитализацию *vita contemplativa*⁹.

Сегодняшний временной кризис не в последнюю очередь связан с абсолютизацией *vita activa*¹⁰. Она ведет к *императиву труда*, который сводит человека к *animal laborans*¹¹. *Гиперкинезы*¹² повседневности изымают из человеческой жизни всякий созерцательный элемент, всякую способность к пребыванию. Они ведут к утрате мира и времени. Так называемые стратегии замедления не устраняют этого кризиса. Они даже скрывают суть проблемы. Необходима ревитализация *vita contemplativa*. Временной кризис будет преодолен лишь тогда, когда в своем кризисе *vita activa* вновь примет в себя *vita contemplativa*.

⁹ Созерцательная жизнь (*лат.*). Здесь и далее в постраничных сносках будут приводиться примечания переводчика, в концевых – автора. Примечания научного редактора также будут даны в этих сносках и отмечены отдельно. – *Прим. пер.*

¹⁰ Деятельная жизнь (*лат.*).

¹¹ Трудящееся животное (*лат.*).

¹² Непроизвольные движения мышц, возникающие из-за ошибок в работе мозга.

Без-времяе

...дабы в смутное время...
она стала опорой для нас...

Фридрих Гёльдерлин¹³

«Последний человек» Ницше на удивление актуален. «Здоровье», которое в наше время возвысилось до ранга абсолютной ценности, даже религии, чувствует как раз последний человек¹. К тому же он еще и гедонист. Поэтому у него есть «свое удовольствиие для дня и свое удовольствиие для ночи»¹⁴. Чувство и устремление уступают место удовольствию и наслаждению: «Что такое любовь? Что такое творение? Устремление? Что такое звезда?» – так вопрошает последний человек и моргает»¹⁵. Тем не менее долгая, здоровая, но лишенная событий жизнь в итоге оказывается для него невыносимой. Поэтому он принимает яд и в конце концов умирает от него: «От времени до времени немного яду: это вызывает приятные сны. А в конце побольше яду, чтобы приятно умереть»¹⁶. Его жизнь, которую он пытается продлить с помощью строгой политики здоровья, парадоксальным образом заканчивается преждевременно. Он гибнет¹⁷ в без-времяе вместо того, чтобы умереть.

Тот, кто не может умереть *вовремя*, должен сгинуть в без-времяе. Смерть предполагает, что жизнь намеренно привели к завершению (*abgeschlossen*). То есть она является *формой заключения* (*Schlußform*)¹⁸. Если из жизни изъять всякую завершенность, то она закончится в без-времяе. Сложно умереть в мире, в котором заключение и завершение уступают место бесконечной и бесцельной беготне, то есть в мире, в котором жизнь не заключает себя ни в какой порядок или целостность. Так ход жизни обрывается в без-времяе.

Сегодняшнее ускорение в равной мере вызвано всеобщей неспособностью заключать и завершать. Время мчится, потому что оно нигде не приходит к заключению или завершению, потому что его больше не держит никакая темпоральная гравитация. Поэтому ускорение – это проявление темпорального прорыва дамбы. Нет больше дамб, которые управляют течением времени, артикулируют или ритмизируют его, которые могут удерживать и сдерживать время, предоставляя ему опору (*Halt*) в прекрасном двойном смысле этого слова: опора дает отпор течению времени и дает ему на что-то опереться. Там, где время теряет всякий ритм, где оно всюду без остановки и направления растекается, исчезает и всякое *подходящее* или *хорошее время*.

Чтобы не сгинуть в безвремяе, Заратустра взывает к смерти совсем иного рода: «Многие умирают слишком поздно, а некоторые – слишком рано. Еще странно звучит учение: “Умри вовремя!” Умри вовремя – так учит Заратустра. Конечно, кто никогда не жил вовремя, как мог бы он умереть вовремя?»². Человек полностью утрачивает чувство *подходящего времени*¹⁹. Оно

¹³ Гёльдерлин Ф. Хлеб и вино // Гёльдерлин Ф. Огненный бег: Стихотворения, гимны, оды, элегии, песни, эпиграммы, наброски. М.: Водолей, 2014. С. 77–82. Здесь: с. 78.

¹⁴ Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Издательство «Мысль», 1990. С. 5–237. Здесь: с. 12.

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ Там же. С. 12.

¹⁷ В оригинале здесь и далее в соответствующих контекстах используется глагол «verenden», с помощью которого Хайдеггер отличал смерть животных от смерти человека как вот-бытия. Бибахин переводил этот термин как «околевание», для благозвучности было решено использовать глаголы «сгинуть» и «погибнуть».

¹⁸ Об особом смысле термина «заключение» см. также книгу Хана «Агония эроса».

¹⁹ По-немецки слово «вовремя» передается выражением «zur rechten Zeit», дословно – «в подходящее время», «в правильное время».

уступает место безвременью. Даже смерть приходит в безвременье, как вор: «Но как борюшемуся, так и победителю одинаково ненавистна ваша смерть, которая скалит зубы и крадется, как вор, – и, однако, входит, как повелитель»²⁰. Невозможной оказывается любая свобода к смерти, которая целенаправленно включала бы ее в жизнь. Ницше приходит к мысли о «совершенной смерти», которая в противовес безвременью сама активно оформляет жизнь. В пику тем, кто «сучит веревку»²¹ долгой жизни, Заратустра предлагает свое учение о *свободной смерти*: «Совершенную смерть показываю я вам; она для живущих становится жалом и священным обетом»²². Хайдеггеровское «свободное-бытие к смерти» говорит о том же самом. Смерть лишается своего безвременья благодаря тому, что она вбирается в настоящее как формирующая, творящая сила³. Как свободная, совершенная смерть у Ницше, так и свободное-бытие к смерти у Хайдеггера основываются на темпоральной гравитации, которая ведет к тому, что прошлое и будущее впрягают (*umsrappen*) или включают в себя настоящее. Это темпоральное напряжение (*Spannung*) высвобождает настоящее из его бесконечной и бесцельной беготни и нагружает его осмысленностью. Подходящее время или подходящий момент появляется только в рамках темпорального отношения напряжения в направленном времени. В атомизированном времени моменты, напротив, похожи один на другой. Ничто не отличает один момент от другого. Распад времени рассеивает умирание в гибель. Смерть кладет конец жизни как бесцельной последовательности настоящего, и притом в без-временьи. Вот почему умирать сегодня особенно сложно. Как Ницше, так и Хайдеггер высказываются против распада времени, который лишает смерть временности и сводит ее к гибели в без-временьи: «У кого есть цель и наследник, тот хочет смерти вовремя для цели и наследника. Из глубокого уважения к цели и наследнику не повесит он сухих венков в святилище жизни. Поистине, не хочу я походить на тех, кто сучит веревку: они тянут свои нити в длину, а сами при этом все пятятся»⁴.

Ницше настойчиво вызывает к «наследию» и «цели». Очевидно, он не осознает всего масштаба смерти Бога. Его последствием оказывается в итоге и конец истории, то есть конец «наследия» и «цели». Бог действует как стабилизатор времени. Он создает длящееся, вечное настоящее. Поэтому его смерть разбивает само время на моменты, лишает его всякого теологического, телеологического, исторического напряжения. Настоящее съезживается до мимолетного *момента* времени (*Zeit-Punkt*). Наследие и цель исчезают из него. Настоящее не несет с собой долгого шлейфа прошлого и будущего. После смерти Бога, перед лицом приближающегося конца истории, Ницше предпринимает непростую попытку восстановить темпоральное напряжение. Идея «вечного возвращения Того же самого» – это не только выражение *amor fati*²³. Она как раз является попыткой реабилитировать судьбу, даже *время судьбы*.

«Люди» («*Man*»)⁵ Хайдеггера служат продолжением «последнего человека» Ницше. Атрибуты, которые он приписывает «людям», прямо соответствуют и последнему человеку. Ницше характеризует его следующим образом: «Каждый желает равенства, все равны: кто чувствует иначе, тот добровольно идет в сумасшедший дом»²⁴. «Люди» Хайдеггера – это также временной феномен. Распад времени сопровождается ростом массовости и однообразия. Собственная экзистенция, индивид в особом смысле слова препятствует бесперебойному функционированию «людей», т. е. массы. Ускорение процесса жизни препятствует тому, чтобы образовывались различные формы, чтобы вещи дифференцировались, чтобы они принимали самобытные формы. Для этого не хватает времени созревания. В этом отношении «последний человек» Ницше мало чем отличается от «людей» Хайдеггера.

²⁰ Ницше Ф. Указ. соч. С. 51.

²¹ Там же. С. 52.

²² Там же. С. 51.

²³ Любовь к судьбе (*лат.*).

²⁴ Там же. С. 12.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.